

ОУИ НБ МГУ №2326

Об Анатолии Марченко и о том, как отправляла в лагеря деньги в переплетах книг и пакетиках с супом

<http://oralhistory.ru/talks/orh-2326>

27 декабря 2016

Собеседник

Алексеева Людмила Михайловна

Ведущий

Голицына Екатерина Андреевна

Дата записи

Беседа записана 27 декабря 2016 и опубликована 27 сентября 2019.

Введение

Десятая беседа с Людмилой Алексеевой посвящена Анатолию Марченко и развитию правозащитного движения в СССР. Алексеева рассказывает о первом аресте Марченко, его неудачном побеге из лагеря и природном таланте писателя. Процесс Синявского-Даниэля изменил жизнь Людмилы Алексеевой, в которой все больше и больше становилось работы с теми, кто по ту сторону советской репрессивной системы. Завершает беседу долгая история создания книги Анатолия Марченко «Мои показания» и первая неудачная попытка пересылки ее за границу.

Об Анатолии Марченко

Людмила Михайловна Алексеева: Сначала Толя Марченко, да? Ну вот я его видела тогда, значит, в лагере издали вместе с Юликом и Румянцевым и второй раз — когда они прошли мимо на работу, такие три мушкетера бравых: Толя Марченко, Валерий Румянцев и Толя Фурман — я вспомнила третьего¹. Он такой был — практически уголовник. Откуда-то из провинции, но подружился, очень неглупый парень, подружился с Юликом, и вот они втроем. Ну и да, вот вы запомнили про глаза, которые светились нездешним светом.

И вот, когда мы тогда на крыльчке избы стояли и перекрикивались, Юлик сказал, что вот Толя [Марченко] скоро выходит, ждите. Но это мы были летом, а выходил он в первых числах ноября. Значит, Юлик в письме предупредил, когда, и он еще предупредил, что спиртное не покупайте, Толя не пьет, но очень любит сладкое. Я помчалась тогда, значит... Тогда очень со всякими вкусными вещами ограниченно было, но в Столешникове был такой не магазинчик, а как кулинария, что ли. Продавали вкусные пирожные всякие. Они сами изготовляли. Вот я купила двадцать, такие небольшие красивые пирожные, большая белая коробка, и с этим, значит, решила Толю встречать. Поехала. Он [Даниэль] дал адрес Ларисы [Богораз], своей жены. Она на улице Дмитрия Ульянова жила. А, не, тогда еще не на Дмитрия Ульянова — на Ленинском проспекте восемьдесят три, по-моему, вот так. Вот, они жили в трехкомнатной квартире. Две комнаты были их, а в третьей жил сосед какой-то, прошедший заключение, — очень тихий человек, его никогда было не видно и не слышно. Я потом часто бывала в этой квартире. Я его ни разу не видела. Он сидел как мышь у себя в комнате или неслышно выходил, когда никого нету в коридоре, и тут же обратно. Вот, и поэтому они жили, как будто в отдельной квартире. На первом этаже квартира.

¹ См. предыдущую беседу: oralhistory.ru/talks/orh-2083.

Екатерина Андреевна Голицына: Так они уже были женаты?

Л. А.: Кто?

Е. Г.: Лариса и Анатолий.

Л. А.: Да нет. Она была женой Даниэля, а он дал адрес [Анатолию Марченко], чтобы приедешь в Москву — остановишься у жены. Ведь в Москве... В России так устроены железные дороги, что, где бы человек ни жил, куда бы он ни ехал, он сначала должен приехать в Москву, а потом уже из Москвы. Ну и поэтому они все появлялись в Москве.

Ну вот, собственно... Это было в ноябре, значит, 66-го года... Нет, 67-го... *(Задумывается.)* 67-го. Вот, после уже поездки в лагерь, и это был первый из тех, кто вот из лагеря, где Юлик сидел, придет человек. Для нас было большое событие. Поэтому я помчалась, значит, вот, и с этой коробкой с пирожными появилась. И Наташа Садомская пришла. И вот мы втроем сидели ждали. Прождали целый вечер. Никто не появился, и я уехала домой с этой коробкой с пирожными, сунула их в холодильник. Ну, моим мальчикам сказала: «Пирожные не трогать. Это не вам». А действительно он приехал через два дня. Мне Лариса позвонила: «Приезжай. Приехал Марченко». Потому что Юлик, оказывается, перепутал день, когда он освобождается.

Ну, я примчалась обратно с этой коробкой, и вот я помню, у нее такая широкая кровать, затянутая одеялом, закрытая одеялом. Дивана в комнате не было. Мы с ногами сидели, ну, сняв обувь, естественно, сидели на этой кровати, и опять Наташа приехала, и мы втроем расспрашивали Толю. Он нам рассказывал про лагерь. И это было очень необыкновенно, потому что Толя очень, конечно...

” Это вообще один из самых ярких людей, которых я встречала в жизни, хотя меня Господь Бог не обидел: я многих интересных людей встречала и с ними близко общалась.

Толя, он из маленького городка, Барабинска. Ну, сейчас это в Казахстане. Да, а тогда это все в СССР было. Отец у него был какой-то паровозный машинист, по-моему, а мать полуграмотная... Уборщица, что-то в этом духе. И он кончил восемь классов, выучился на бурового мастера и, значит, кочевал со стройки на стройку вот в этом качестве буровщика. И в одном месте, где он был, в лагере, то есть где он работал с этой своей буровой машиной, там были чеченцы высланные, и случилась драка между ними и местными рабочими, и надо сказать, что Толя... Вот одно из его... Он вообще... Он, конечно, от природы очень одаренный человек. Человек с восьмиклассным образованием, и у него... Да, из маленького городка и вообще. У него такие... Он сам каким-то образом дошел. У него часто такие удивительные понятия обо всяких, ну, жизненных коллизиях, что удивляешься, как он до этого дошел. Например, он никогда не дрался, не действовал силой. И здесь он не дрался. Он кинулся разнимать дерущихся. Приехала полиция, похватала всех, в том числе Толю, и осудили его на два года за участие в драке, на лагерь. А у Толи — вот это тоже удивительное у него качество — у него очень такое до болезненности повышенное чувство справедливости-несправедливости. Вот он воспринял это как... Это и была вопиющая несправедливость, но кто-то — ну подумаешь, ну отсидит два года. Тем более что то, как они жили... Как он жил дома и на стройках, ей-богу, ненамного отличалось от условий в лагере. Ничего, никаких особых страданий не было. Но несправедливо. Он же не дрался. Он разнимал. И поэтому он, во-первых, писал заявления все время, что суд неправильный, что не было, что, мол, вот такие-то свидетели, которых суд не выслушал, что он не дрался, он разнимал. И так как вроде никаких откликов не было... Да, должна была быть апелляция. Он ее ждал, но уже в лагере ждал. Вот. А, нет. Ну, в общем, не помню. Что-то такое. Короче говоря, он решил, что, поскольку несправедливо, что он из лагеря убежит. И он бежал. Самое идиотское было, что его заявления достигли цели. Дело было пересмотрено, и его решили освободить, и приказ об освобождении пришел, когда он уже убежал, в лагерь.

Е. Г.: Обидно.

Л. А.: Такое стечение обстоятельств. Но он, когда... Он убежал. Ну хорошо. А как жить без документов в Советском Союзе сбежавшему из лагеря человеку? Он понимал, что его все равно схватят и обратно в лагерь. А несправедливо!

Это неправильно. И поэтому он решил там, где ближе всего, уйти за границу. Ближе всего была граница с Ираном. И он решил перейти границу. Когда он переходил границу, его поймали, конечно. Он не смог перейти границу. Его поймали и уже осудили как политического: измена Родине, переход в другую страну. Хотя он узнал, что из лагеря он освобожден, что это все. Но тем не менее. Его осудили на шесть лет, и он попал в политический лагерь. Вот таким образом он оказался там. И, когда Юлик появился в лагере, я нисколько не удивляюсь, что Юлик, очень такой человек интеллигентный, образованный и, ну, такой именно склонный иметь дело с людьми думающими, он подружился из многих людей (там много интересных людей, в лагере, было), он подружился среди прочих именно с Толей. Потому что со мной тоже так случилось. У меня тоже не было людей, друзей с восьмиклассным образованием из провинции, знаете?

” Но Толя — вот эти определения как-то к нему не относились, потому что он был интереснейший человек, очень думающий, и вот если понимать интеллигентность как тонкокожесть такую и интересное восприятие жизни и окружающих, то Толя был очень интеллигентным человеком. Необыкновенно. Это настолько не вязалось с его биографией.

Причем вот если он говорил, он говорил довольно, ну, не таким языком рафинированного московского интеллигента. Он говорил правильно. Очень, кстати сказать, грамотно писал. Но говорил вот такие вещи, которые не всякий интеллигентный человек скажет. В смысле — мысли и чувства. Удивительный человек был, знаете.

И первый вот вечер мы просидели... Сначала мы пропустили метро, потом уже мы пропустили — что и на троллейбусе не уехать, потом мы сидели до того, как метро откроется. Мы всю ночь слушали его рассказы про лагерь. И он рассказывал... Вы знаете, он был рожден писателем. Он рассказывал... «Вот еще у нас был такой человек...» И он немножечко так иронично рассказывал, чуть-чуть похажывая, но вы видите этого человека как живого, понимаете? Ведь не каждый так может рассказать. Но он именно... Ну, в общем, мы все три с открытыми ртами его слушали. И я, конечно, со своими пирожными. Значит, поставила около него эту самую коробку. Он брал пирожное, откусывал. Я чувствовала, что он вкуса не чувствует. После лагеря, где он вообще ничего толком не ел вкусного... И вообще в жизни никогда таких пирожных, какие я принесла туда, не ел. Он не чувствовал, и я видела это, но потом я уже не раз имела дело с людьми, которые выходили из лагеря, потому что многие к нам... Это пошло такое. Приезжали и останавливались у нас. И они когда выходят из лагеря, они первые там пару-тройку дней, они от впечатлений огромных от свободной жизни, в которой они оказались после многих лет, они не чувствуют вкуса пищи. Им не интересно то, что они едят. Хотя казалось бы, понимаете? Кормили там плохо, в этих лагерях. Время было плохое. Мы тоже не бог весть что ели. Но все-таки.

И вот он, значит, остался жить у Ларисы, и мы пытались его устроить... Ну, во-первых, выправить документы. Ведь надо было справку об освобождении обменять на паспорт. И, во-вторых, устроить на работу. Так вот, мы с этим возились очень, но очень быстро это пришлось прервать, потому что вот этот самый блеск в глазах, который у него был, — это, оказывается, у него... Он в лагере перенес менингит, и один заключенный, доктор, врач по профессии, он очень удивлялся, что Толя выжил, несмотря на отсутствие лечения, но он был вообще очень сильный физически, очень. Так небольшого роста и совсем не богатого сложения. Скорее изящный такой молодой человек, поджарый. Но очень сильный.

И там Лариса как-то устроила его через знакомых, потому что документов никаких нету — как в больницу устраивать? Вообще никаких документов. Вот, она его устроила в какую-то больницу через знакомых. Взял знакомый врач. (Он потом в Израиль уехал.) Хороший врач-ушник. Потому что у него там шел какой-то процесс. Он говорил, что... Потом нам говорил этот врач, что когда он вскрыл ему, сделал операцию, вскрыл, то оттуда брызнул гной. Он говорит, что он не видел вообще никогда человека с такой запущенной болезнью, как у Толи. И он сделал операцию. Очень хороший врач. Он сделал операцию, и Толя весь с замотанной головой, и в ухе стреляет, очень большие боли, но он очень такой крепкий, терпеливый мужик.

И... Да, а у них начался роман, у Толи и у Лары, довольно вскоре после его приезда, но они это тщательно скрывали. Понятно, почему. Не только потому, что она была вроде бы не разведенная дама — никто же не знал, что она уже ушла от мужа, только развод не оформила. Но она и работала женой после того, как его посадили. Прекратились разговоры о том, что они в разводе. Понимаете, вроде как никто не знал этого. Но потому что вообще изменять мужу — политическому, который сидит в лагере, — это было очень такое, очень осуждаемый в наших кругах поступок. И с его, и с ее стороны. Для него Даниэль — лагерный друг. Для нее — муж в лагере.

” Короче говоря, они тщательно скрывали это, но надо сказать, что там, конечно, был не адюльтер, а там была огромная любовь с обеих сторон. Так же бывает?

У нее, собственно, сердце было свободно. Она только работала женою, да? Уже. А у него — молодой человек, который попал в девятнадцать лет в лагерь, сначала в одном отсидел больше года, потом в другом шесть лет. Молодой парень, который, может быть, даже женщин не знал, понимаете? Там такой костер разгорелся, что куда там... Но надо сказать, что именно потому, что я очень верила тому, что для Ларисы это невозможно и для него это невозможно, мне в голову не приходило. Я их видела чуть не каждый день — и мне в голову не приходило, понимаете? Я считала, что вот как мы все вокруг него водим хоровод, так и она водит, понимаете?

Лариса Богораз и Анатолий Марченко с сыном Павлом. Архив Международного Мемориала. Источник: hrg.org/node/26923

А мы с Ларисой... У меня получилось так, что вот эта поездка в лагерь летом... Все-таки это было в 66-м году, летом 66-го года. Вот разговор в поезде вечером, когда мы весь вечер проговорили, и потом я просто все время там с Ларисой встречалась, и потом Толя приехал... В общем, короче говоря, как-то мы стали друг у друга главными подругами очень быстро. И когда она его подпольно устроила в больницу, то надо было скрывать, что он в больнице, потому что врач его незаконно положил. Так, знаете? По ее просьбе. И поэтому она сказала об этом мне. И мы вместе, значит, ухаживали за Толей в больнице. Его надо было как следует кормить еще к тому же, потому что организм истощенный, болезнь очень тяжелая. Надо было просто хорошо кормить. Поэтому мы старались изо всех сил, старались достать какие-нибудь продукты. Куриный бульон в бидончике приносили там, чего-нибудь такое, ну, калорийное на второе. Ну, в общем... И мы с ней менялись — день ходила она, день я. Вот так. Потому что эта больница где-то в Сокольниках была. Туда еще от метро надо было ехать на трамвае. Это довольно такое, ну... Полдня надо было потратить. Вот мы через день (значит, день она, день я) туда ходили.

И вот я помню, один раз как-то я приехала к нему с очередным бидончиком и там едой. Мы вышли с ним. Он в теплом халате этом больничном. Мы вышли на улицу. Ну, вокруг больницы такой как садик, что ли, расположен. Ходили, разговаривали. Он так морщится, потому что болит. И я очень запомнила разговор. Он все время спрашивал. Вот что это такое, какое-нибудь слово или какое-нибудь явление. Я начинала ему рассказывать. И я ему говорю: «Знаешь чего? Я тебе принесла книжку „Граф Монте-Кристо“». Ну, чтобы от боли отвлекать. Интересная книжка. Говорю: «Дюма, знаешь, приключенческая, интересная. Ты читал?» — «Нет». Я говорю: «Вот, возьми». — «Не, я не буду». — «Почему? Я тебе говорю: интересная книжка». — «Ты знаешь, я столько не читал, что я на это тратить время не могу. Ты мне знаешь лучше что достань? Вот у Плеханова есть „История русской общественной мысли“». Вот я хочу прочесть. Попробуй достать Плеханова». Я всю Москву оббегала, пока у кого-то нашла эту книжку, ему принесла вместо «Графа Монте-Кристо». Вот такой он был человек. «У меня нет времени читать „Графа Монте-Кристо“, я слишком много не читал».

Ну и потом он вышел. Это зимой было. Потом он вышел. Поскольку не получалось паспорт в Москве получить, то ему пришлось... Он должен был поехать домой, туда, где он прописан, к родителям. Там ему должны были обменять эту справку на паспорт. Ну и решили, что тогда он вернется и все-таки будем в Москве, вокруг Москвы где-нибудь искать работу, поближе к нам.

И он уехал в Барабинск вот свой, но, значит, Лариса мне говорит: «Слушай, он будет письма писать. Нельзя ни на твой, ни на мой адрес, потому что будут перехватывать. Ты не можешь найти какой-нибудь такой адрес, что им не придет в голову перехватывать?» Я знала... Это совсем не из нашего круга женщина. Она художница была по ткани. Ну, такая какая-то знакомая. Я даже уже не помню, где я с ней познакомилась. Она довольно близко от меня жила, и, ну, там раз в три месяца, раз в полгода мы приходили друг к другу в гости там, вечером пили чай и рассказывали друг другу всякие... У нее был... Она была разведена, и у нее был мальчик лет тринадцати, и у меня — дети. Ну, такое было знакомство. И я ей говорю: «Слушай, мне, — говорю, — надо письма получать, но я бы не хотела на свой адрес». Она, деликатная женщина, не стала спрашивать, в чем дело. Она сказала: «Можешь дать мой адрес». И, когда приходило письмо, она мне звонила и говорила: «Приходи ко мне чайку попить». И, значит, я приходила к ней, получала это письмо. Причем письма такие толстые, раздутые. И я даже не помню, почему... Не то Лариса мне сказала, потому что вряд ли я сама бы стала вскрывать письма, которые не мне адресованы. Но я помню, что я вскрывала эти письма и Ларисе приносила уже не в конверте, а так. И я видела, что... Читала когда. Это от руки было написано, потому что в Барабинске, конечно, никаких пишущих машинок, да Толя и не умел

на ней. Но я видела, что это, собственно, вот эти пухлые письма — это те же самые рассказы, которые мы слушали, о лагерных людях, которые были... И меня поражало, что они были... Ведь, как всякий человек, вы знаете, что, когда пишешь, совсем иначе, чем когда рассказываешь. А тут рассказы были такие живые, так написаны... Без помарок, просто рукой. Не перечеркнуты, а подряд. Когда я... Как будто я слышала живой голос Толи, который это рассказывает.

То есть я подумала: какой потрясающий парень, он просто прирожденный писатель! Это так и было. Понимаете, это удивительная вещь. Он рожден был быть писателем.

И притом что родился он в Барабинске в семье, где не писали и не читали, и жил, работал физическим трудом, зарабатывал, провел большую часть своей взрослой жизни в лагерях. Это было... Ну это его просто Господь Бог наградил. Он, понимаете, он... Вот я когда пишу, даже, ну, самую обычную статью, я сто раз зачеркиваю прежде, чем я окончательно... А тут — набело. Он не переписывал свои письма. Он просто писал. Удивительно. И я тогда Ларису спросила, говорю: «Чего это он, над книгой работает?» Она говорит: «Да». И я поняла, что она ему помогает как редактор писать эту книгу.

Но я ничего не спрашивала. У нас уже к этому времени выработалась такая привычка людей, которые... Мы же были обыкновенные такие московские интеллигенты и совершенно никакие не конспираторщики, но у нас выработалась такая привычка — не спрашивать, во-первых, а рассказывать даже самым близким людям, которым полностью доверяешь, не все подряд, а только то, что надо для того, чтобы что-то вместе сделать. А если не надо, то не надо говорить. Это правильная постановка вопроса, потому что если тебя вызывают на допрос, то гораздо легче сказать «я не знаю», если ты не знаешь, чем врать. И поэтому лучше меньше знать. И как-то мы так вот сообразили это, и уже в 66-м году, ну, это уже 67-й был, мы этой привычкой (я, во всяком случае) полностью овладели. Я не задавала лишних вопросов и не говорила лишнего даже Ларисе, с которой была главная подруга и душа в душу, и тем более с другими. Как это получилось? Ну, мы очень быстро это усвоили. Хотя меня еще ни разу никуда не вызывали, и казалось бы...

Е. Г.: Но вы жили в постоянной готовности?

Л. А.: Конечно. Конечно. Потому что всех кругом вызывали и сажали. Лишнего не говорили. Но я поняла, что они, значит, пишут книгу. Он приехал в ноябре 66-го, а к лету 67-го книга была готова. Но там...

Новая жизнь. Помощь политзаключенным

Вообще, начиная вот с этой поездки в лагерь и приезда Толи, 66-й год и дальше — это уже началась моя новая жизнь, отличная от предыдущей. Я, собственно... Я по-прежнему работала дома, и поэтому я работала, работу я делала, но вообще я работаю очень быстро... Работала очень быстро. Поэтому, так как я могла располагать временем, вот когда я сделаю эту работу, — я могу встать рано утром, сделать или, наоборот, засидеться поздно вечером, если я днем занята. У меня было довольно много времени. Ну и, конечно, еще надо было детей...

Значит, чем мы, собственно, занимались, чем были заняты мои дни. Значит, ну, во-первых, мы готовили отправления в лагерь. Дело в том, что посылки... В лагеря можно было слать заключенному... Да, вот это уже хрущевские времена... Нет, это уже даже брежневские времена. Хрущева сняли в 64-м году. Значит, посылки можно было отправлять с середины, когда полсрока пройдет, раз в месяц. По-моему, там пять килограммов посылка. Ну и мы знали перечень, что можно слать. Но наши-то сидели меньше, чем полсрока. Но мы узнавали через них, значит, адреса людей, которые имели право уже на посылки, но которые посылок не получали, ну, потому что, скажем, они были одинокие и некому было слать или родственники были очень бедные и нечего им было послать, и не было возможности. Мы таким людям собирали посылки и отправляли. Ну, во-первых, потому что Хрущев после того, как он освободил подавляющее большинство политзаключенных, мы вообще считали, что политзаключенных нету, но мы узнали, что есть. Но они что сделали? Они всех людей, которые не за воровство и не за убийство, а по вот таким идеологическим причинам, они всех собрали в одни лагеря, то есть отделили от уголовных лагерей, и эти лагеря были в Мордовии, и в этих лагерях сидели... Ну, там самые разные были. Во-первых, там были... Через Юлика, через Андрея Снявского уже и через тех, кто освобождался из лагерей, мы узнали, собственно, состав лагерей. Значит, там большинство составляли украинцы с Западной Украины — это те, кто протестовали вот после войны, когда их присоединили, они протестовали против создания колхозов. И, соответственно, у них все отбирали в колхозах. И такие люди получали по двадцать пять лет, поэтому они еще сидели. Они сидели там с окончания войны там, ну, может быть, даже с конца 40-х годов, но они еще сидели. И потом, там сидели литовцы и эстонцы, которым не нравилось присоединение их республик. Там были литовские партизаны, но были и просто люди, протестовавшие так или иначе против вторжения, ну, присоединения их стран к России, потому что они считали это оккупацией. Их там без конца сажали, поэтому они тоже были. Но потом там были люди из Советского Союза, которые устраивали подпольные марксистские и там и немарксистские такие кружки, протестовавшие против даже не советской власти, а против вот политики советской власти по отношению к людям. Потом, там были так называемые листовочники — это люди, которые, выражая индивидуальный протест или маленькие группы собирались, они писали листовки и там их расклеивали или разбрасывали и попадались на этом. Потом, там были верующие, которых... Были две религиозные какие-то статьи, по которым они сидели. Это в основном за то, что люди, сами верующие, естественно, воспитывали своих детей в своей вере. Так вот, это было запрещено при советской власти, и поэтому их сажали. Ну, там было... Всякие там баптисты, адвентисты, всякие протестанты. Их было порядочно. Но были и православные, вот тоже грешные вот в этом деле, и литовские католики, которые как-то, ну, тоже воспитывали в своей вере. Ну и священники там литовские и так далее.

От Юлика я узнала, что вместе с ним в лагере сидит Ленька Рендель, мой однокурсник.

Е. Г.: Вы же с ним встретились там.

Л. А.: Да-да-да. Это вот кружок Краснопевцева. Они по разным лагерям сидели и тоже там листовки писали. И Рендель был... Его в 57-м посадили, и у него был десятилетний срок. В 66-м он еще сидел. Ну вот разные всякие. Мы посылали всем

без разбора, и они получали эти посылки. Ну и они там, я уж не знаю, в какой-то договоренной пропорции делились с нашими или просто давали им что-то из этих посылок. Но... Я даже не знаю, как там они делали, но мы слали всем, кому говорили — можно получить посылку.

Но послать посылку — это было надо время потратить. Надо было, во-первых, постоять в очередях, чтобы собрать те продукты, которые можно отправить. Во-вторых, надо было все это упаковать специальным образом и отстоять очередь на Главном почтамте, потому что это было единственное место, где принимали посылки в лагерь, в лагеря. Это отнимало много времени. Я искала людей, чтобы они этим занимались. Ну и сама в этом тоже принимала участие. Потом, они просили книжки. Какие-то были просьбы — специальную книжку надо было найти. Или просто я понимала, что вышла интересная книжка, вот им будет интересно. Надо было найти эту книжку, достать ее и отправить. Потом, кроме посылок... Вот это очень было важно. Посылки были нормированные, а можно было посылать бандероли. И они всего по два килограмма, но в них можно было послать не только книгу например, но можно было послать, скажем, сухие супы. Вот эти пакетики, знаете? Значит, их тоже надо было найти, отстоять за ними очередь и упаковать, и послать. Но это... Бандероли, правда, принимали не только на Главпочтамте. Всюду можно было послать. Бандеролю можно было послать, например, сухой торт. Знаете, это такие были... Мы их... Слоеные какие-то такие вафли, чем-то... Ну, все-таки.

Вот, потом, в лагерях нужны были деньги. Почему? Потому что там были вольнонаемные, работали вместе с заключенными, и можно было их попросить купить те продукты, которые нельзя было прислать посылкой. Ну, например, сливочное масло. Ну, еще всякие такие вещи. Но, конечно, надо было не только отдать деньги на само сливочное масло, но заплатить человеку, который согласен был это масло найти, отстоять за ним в очереди, принести его, потихоньку пронести заключенным. Ну вот все это мы доставали.

Я эти бандероли слала чуть не каждый день по нескольку, потому что я выдумывала, что можно послать бандеролю, и все отправляла. Что касается денег, то я научилась слать деньги. Так же послать деньги было нельзя. Но можно было... Значит, я вот так. Когда вот книжка... Ну, значит, когда открываешь книжку, то здесь вот, если она в жестком переплете, то здесь так она проклеена такой бумагой с другой стороны, да? Так вот, я научилась, подержав над чайником кипящим, чтоб эта бумага отошла... Тогда туда можно было засунуть, скажем, двадцатипятирублевку, да? И потом осторожно книжку заклеить. И надо было в письме намекнуть, что вот именно эту книгу надо распотрошить. Вот легче всего было это устроить, если такая толстая бумага была приклеена. Я уже научилась, какую бумагу, легче вот такой карман устроить, и, когда я приходила к кому-нибудь из знакомых, первым делом я кидалась к книжным полкам и начинала осматривать книжки — в какие можно запихнуть. И, когда мне попадалась такая книжка, я говорила хозяевам: «Слушайте, вот я бы эту книгу Юлику отправила. Вы мне дадите?» — «Да, конечно!» Мне ни разу никто не отказал. Вот, и потом я это вот такое вот устраивала.

Я была ас по запечатыванию денег, это на мне было — деньги отправлять.

Вот, и поэтому мы иногда в лагерь слали очень странные вещи. Например, пошлю там, скажем, учебник по химии для восьмого класса. Казалось бы, зачем? Но он очень хорошо... Очень удобный был. Ну вот. И пишешь тогда: «Ну, изучай химию, начиная с первого листочка». Ну, человек понимал и начинал эту книжку... Вообще, когда нелепые книги присылали, они и без напоминаний понимали, что надо потрошить. Потом я научилась не только книги таким образом вскрывать, но и пакетики для сухих супов или там для яичного порошка. Вот вскроешь, положишь туда купюру и обратно заклеишь. Они присылают... И потом Алик Гинзбург уже когда попал второй раз в лагерь в 68-м году, он потом рассказывал на свидании, что он чуть не сварил купюру, потому что он развернул и хотел в кипятке — а там двадцатипятирублевка, понимаете? Надо было срочно ее вылавливать. Ну вот. Это очень много времени отнимало.

Потом, все время писали письма. Начиная вот с процесса Синявского и Даниэля, когда кого-нибудь там арестуют или судят, то были коллективные письма в поддержку, и это было очень важно, потому что, если человек узнавал, ему было приятно, что вот такие люди, значит, знакомые, незнакомые, выступили в его защиту. Но для того чтобы подписывать эти письма, нельзя было по телефону договориться, потому что телефоны наши прослушивались, мы это знали. Надо было обязательно съездить к человеку, а съездишь — не застанешь. Надо еще раз съездить. И вот подписи собирались таким образом. Это тоже очень была трудоемкая вещь.

Ну, потом, вот встречали из лагерей, останавливали. Получилось даже некое разделение обязанностей. Скажем, люди, выходявшие из лагерей, — прибалты останавливались у Наташи Горбаневской. Люди с Украины останавливались у меня. А потом наши телефоны, наши адреса разошлись по разным политлагерям, и иногда вваливались такие люди: «Здравствуйте, это я, вот я освободился из лагеря...» Ну, значит, мы оставляли его у себя. Надо было переодеть человека. Он приезжал в этом, в лагерном. Надо было деньги достать, найти приличный такой какой-нибудь костюмчик там, чтоб был... Все же тоже было... Не то что придешь и выберешь. Надо было найти, где есть подходящее пальто, где есть подходящий костюм, где есть подходящие ботинки и так далее. Помочь...

Е. Г.: А много было сочувствующих и помогающих вам людей?

Л. А.: Очень. Да. Обозначился некий круг: люди, которые сами этим не занимались, но готовы были или потратить время — вот постоять в очереди или просто принести. Приносили сухую колбасу: «Вот, я достал». Понимаете? Палку сухой колбасы. Это хорошо в лагерь. Так что кладешь себе в холодильник, значит, до ближайшей посылки. Есть что послать. Вот, или, если нельзя, скажем, посылку, есть что-то, что можно отдать, когда родственники в лагерь едут. Они ж тоже приезжали. Вот, предположим, с Украины приезжали. Ну чего она — с Украины будет везти передачу? Оно же испортится. Она на поезде едет три дня, да? В Москве пересаживается. То есть она приезжала без ничего. Надо в Москве было собрать продукты, чтобы она могла, поехав на свидание, там своего накормить. Там трехдневное личное свидание. Значит, можно три дня его кормить. Надо продукты те, которые можно и которые нужно. Ну вот все это мы, всем этим занимались.

Ну и, конечно, самиздат. Мое основное время отнимало печатание, потому что я была из редких людей, которые уже довольно быстро печатали. То есть печатала со скоростью машинистки. Ну, не аса, но нормальной машинистки. А люди одним пальцем стучали. Поэтому перепечатка самиздата очень была такая...

Е. Г.: И что тогда в основном вы печатали? Какие книги?

Л. А.: Начала я печатать гораздо раньше, чем вот началась вся эта моя жизнь. Я начала печатать, потому что, когда вот еще при Хрущеве стало свободнее, можно было, скажем, стихотворные сборники запрещенных в сталинское время поэтов, там Гумилева, Цветаевой, Ахматовой... Ну, такие вещи. Стихи, печатала их.

Напечатаю пять экземпляров, скажем, вот подборку, да? Один оставляю себе, а четыре экземпляра отдавала в переплет. Были кустари, которые переплетали.

И просто дарила знакомым, которые любили стихи. Вот, и поэтому на этом я научилась печатать. Я купила машинку. Тогда была самая лучшая машинка — это тогда была «Эрика». Это в ГДР ее делали. И, когда я покупала, в 60-м году, по-моему, еще мы просто пошли с мужем, выбрали машинку и купили. И с ней продавали самоучитель. И я около положила его и училась по самоучителю, как вот, каким пальцем... Научилась печатать. Вот, ну Галич пел: «„Эрика“ берет четыре копии». Ну, я делала и по пять, и по шесть, и даже по семь, но, знаете, на папиросной бумаге, и поэтому, если (это тоже был дефицит) и, если приходишь и видишь, что есть папиросная бумага, все деньги, какие есть, тут же покупаешь и бежишь к знакомым одалживать деньги и закупить бумаги, потому что больше можно напечатать. И поэтому к тому времени, как все это началось, вот это вот, к 66-м году, я уже печатала хорошо. И поэтому...

Тут появились правозащитные документы. Вот все эти письма, которые в защиту. Потом, попадались или самиздатовские перепечатки, или даже «тамиздат» давали. Книжки. Скажем, «Двадцать писем другу» Аллилуевой. Первой книжкой... Одной из первых книг, которых я тогда такие читала, — это был «Новый класс» Джиласа, где он рассказывал, что вот в странах советского типа... Джилас югослав был. Но у них тоже с вариациями было примерно то же. Это он говорил о том, что в странах советского типа этот новый класс — это вот эта советская бюрократия, это такое вот партийное там руководство и так далее, и советское — что это такой коллективный собственник и, собственно, новый эксплуататорский класс, который имеет больше, чем другие, и командует другими и который, собственно, вот этой государственной собственностью и распоряжается, в отличие от рядовых граждан. Надо сказать, что на меня эта книжка произвела очень сильное впечатление. Почему? Потому что Джилас объяснял эксплуататорский характер советского государства в марксистских терминах. А я по-другому-то мыслить не умела, потому что другого ничего мы не знали. А это очень хорошо ложилось в голову. И я вот... Очень на меня сильное впечатление произвело.

Потом, когда я читала это... Сейчас я вспомню, в каком году. В 71-м. Это мой младший сын должен был поступать в университет, и, ну, мы там были, я и муж, выгнаны с работы к этому времени (в 68-м году меня выгнали). Ну, муж нашел работу — место преподавательское, ЭВМ — тогда электронно-вычислительная машина. Это были не персональные компьютеры, а такие огромные. Под них специальные там, знаете, полы какие-то цементные были, а то они их проломить могли, эти машины. Вот он на такой огромной машине работал, ну и получал копейки. Ну а меня вообще никуда не брали. Выгнали с работы и никуда не брали. Поэтому я случайными работами пробавлялась, которые мне там кто-нибудь давал. Какой-нибудь перевод или редактирование на себя оформят, а мне дают заработать, знаете? Вот, и поэтому когда он кончил школу, сын мой, то уже школьная форма — ну, она уже была изношенная, и он из нее вырос, и вообще ему надо было в университет идти. Значит, надо было не школьную форму, а что-то пусть недорогое, но что-то покупать новое. И я посчитала: поскольку буквально от трусов до зимнего пальто все надо было покупать, то что-то получалась там, ну, какая-то астрономическая сумма. Там, ну, я не знаю, не помню уже на те. А как заработаешь? Денег не было на то, чтобы все это купить. Поэтому я могла заработать только продажей самиздата. Я продавала самиздат дешевле, чем он... Ну, знакомым же продавала. По десять копеек за страницу. Но, если я делала пять экземпляров, это получалось пятьдесят копеек за страницу. Но надо было там набрать, скажем, шестьсот или семьсот рублей. То есть... Так я книжками перепечатывала. Я нашла «Новый класс» Джиласа. Вот я сейчас думаю: чем я восхищалась? К этому времени я научилась уже нормальные книжки читать, не только марксистские. Но в 66-м — 67-м я книжки не печатала, но правозащитные документы. Вот эти письма всякие. Потом Алик Вольпин написал знаменитую памятку «Как вести себя на допросе». Это было очень важно, чтоб люди знали, как можно отвечать так, чтобы и закон не нарушить, и людей не подвести. Когда можно отказываться отвечать и так далее, не нарушая закона. Потому что следователи ведь обманывали. Поэтому надо было знать заранее свои права. Вот эту памятку я перепечатывала. Ну вот всякие такие вещи. В общем, стихи кончились, и больше стихов не печатала, а печатала вот такое дело.

Книга Анатолия Марченко

В 67-м году... Значит, в ноябре 66-го приехал Толя. К лету 67-го года была готова его книжка.

Е. Г.: Но он ее здесь дописывал уже? Под Москвой?

Л. А.: Нет. Он писал частично в Барабинске — вот присылал эти письма, которые я, кстати сказать, перепечатывала тоже, чтобы... А, вот почему я открывала — я их перепечатывала. Поэтому мне велено было открывать, потому что он-то писал от руки, а их же надо было Ларисе читать ведь. Но я видела, что ей править было почти нечего. Она вот что делала. Она вымарывала целые куски, где он кидался не рассказывать, а начинал, значит, какой несправедливый это строй и так далее, всякие такие... Вот это она вымарывала, чтоб оставалась фабула, вот лагерная жизнь. Ну вот, летом 67-го года книжка была готова, и тогда мы събрались на квартире Герчуков — это старые знакомые Юлика и Ларисы. Значит, Марина и... Как его звали?

Е. Г.: Юрий Яковлевич.

Л. А.: Да. Вот. Они где-то на Молодежной, там дальше еще, жили. От Молодежной метро надо было ехать куда-то. Вот мы собрались. Значит, я и... Не помню, кто еще. На двух машинках печатали. Значит, один в комнате, один в кухне. А у них двухкомнатная квартира была. В третьей — там девочка спала или чего. В общем, всю квартиру оседлали. А остальные были... Еще были люди, которые для ускорения процесса не печатали, но нам помогали. Значит, во-первых, два человека могли диктовать. Это быстрее, чем самим читать и перепечатывать. Во-вторых, был человек, который... Вот напечатала страницу — я ему отдаю. Он, значит, вынимает вот эти копирки и всё, складывает и чистые листы, пока я печатаю следующую страницу, значит, перекладывает копиркой, и, когда я отдаю готовую страницу, мне уже готовую, переложенную с копиркой, отдают, чтоб все это быстрее было. Ну вот я сижу печатаю. Наконец у меня начинает болеть спина. Я, значит, ложусь там на пятнадцать-двадцать минут отдыхать, а потом обратно. Вот так мы печатали всю книгу. Но много народу собралось, потому что все при деле были. Вот, и Тоша Якобсон сказал: «Ну, это вообще такая бомба под Софью Власьевну, — мы так советскую власть называли, Софья Власьевна, — что, если бы они знали, что здесь делается, они бы уже этот дом окружили».

Лариса Богораз, Марина Домшлак-Герчук, Мария Розанова-Синявская, Андрей Синявский. Нижний ряд: Юлий Даниэль и Юрий Герчук. Источник: www.flickr.com/photos/66515791@N04/6255467004

Е. Г.: Тогда уже появилась статья сто девяносто, да?

Л. А.: Да, она, статья сто девяносто, появилась... Нет, она появилась в конце 67-го года, а это было летом 67-го года, мы перепечатывали. И вот с Толиной книжкой, когда ее перепечатали... Значит, Толя приехал из Барабинска и опять жил у Ларки.

Е. Г.: Вы у Герчуков. Я напоминаю, вы у Герчуков печатали книгу Марченко.

Л. А.: Да. Вот, и отпечатанные экземпляры все, значит, Лариса сложила в чемодан, и они уехали оттуда с этой книжкой и у Тани Великановой дома оставили чемодан (она еще не была такая засвеченная), чтобы к Ларисе не тащить это. А Лариса тогда работала... Я не помню, что это за учреждение было, но оно было на Бутырской улице. А я жила на Нижней Масловке — близко довольно. И летом она мне позвонила... Это уже лето, значит, 67-го года. Ну да, когда вот книжка была готова, вскоре она мне звонит домой и говорит: «Людочка, зайди ко мне на работу». Ну, я не спрашиваю, зачем, по телефону, естественно, а собираюсь и иду. А я куда-то собиралась идти. Я не помню, куда, но я для этого одела какой-то свой парадный костюм, и у меня прическа была, я помню, и, в общем, я взяла еще паспорт, потому что я думала, что оттуда я найду в комиссионный. Я чего-то сдавала, и я хотела узнать, и, если продано, я бы получила деньги. Ну, думаю, раз зовет, я, значит, сначала к ней пойду. И вот я выхожу. Жарко. Я посмотрела вдаль по улице. Троллейбуса не видеть. Думаю, а, чем на жаре стоять, париться, лучше я пешочком пойду тихонечко и дойду. Там пара небольших остановок. Ну и я так ленивенько по жаре добрела. Захожу к ней. Она где-то там в подвале работала. У них не жарко. И она говорит мне... Ну, вышли мы с нею, чтоб сотрудники не слышали. Она говорит, что сегодня в шесть часов вечера, значит, в этом садике напротив «Ударника» (там маленький такой садик, скверик), там будет тетка, приехавшая из-за границы. Она будет ждать. Ей надо передать рукопись книги Марченко за границу, чтобы напечатали. «Вот, я тебе дам, значит, рукопись, ты иди». Ну, потому что Лариса уж очень такая засвеченная, а я нет. Ну, я, значит, пойду. Я взяла эту рукопись. Она говорит: «Здесь предисловие Толя написал и его фотография. Вот, значит, ты все это отдай». Я положила все это так... Ну, рукопись просто, которую мы и печатали, я так ее свернула. У меня довольно большая сумка. Я положила ее в сумку и обратно тоже посмотрела — троллейбуса не видеть. Пойду пешочком. Ну и иду так ленивенько (жарко!), размахивая этой сумкой.

И тут... Я даже не слышала, как. Очень тихо, по-видимому. Потому что вдруг меня хватают с двух сторон дядьки и запикивают в машину, которая подъехала и прямо здесь стоит.

Ну, легковая машина. И я с этой книжкой... Вы ж понимаете. С предисловием. Мы доезжаем до ближайшего отделения милиции. Они меня, значит, из машины... Говорят: «Выходите». И мы идем через двор так в это отделение милиции. Я иду и думаю: «Неужели я теперь Москву увижу через двенадцать лет?» То есть семь лет лагеря и пять лет ссылки. Дадут по полной, конечно. Захожу. Там сидит какой-то хмырь. Он в штатском. Он не милиционер. Ну, кагэбэшник, конечно. Значит, он сидит за столом, а я сажусь на стул — около стенки стоят стулья, на один стул сажусь. Ну и я решила сначала попытаться выбраться отсюда. Я, значит, благо я в хорошем костюме, при прическе, такая вся из себя видная дама, я, значит, изображаю праведный гнев и говорю: «Простите, что это все значит? Я иду по улице. Вдруг меня хватают какие-то типы, засовывают в машину? Какое безобразие!» Он говорит: «Понимаете, вы не сердитесь, но дело в том, что здесь произошло ограбление магазина, и вот подозревают гражданку Иванову. Вы на нее очень похожи». Я тогда гордо выпрямляюсь — по театру, по театру — и говорю: «Да. Но я не Иванова. Я Алексеева. И поэтому какое право вы имеете!..» Он говорит: «А паспорт у вас есть?» У меня с собой. Вот с тех пор и до сих пор я на улицу без паспорта не выхожу. Все бывает. Я говорю: «Конечно есть. Пожалуйста». И все это с такими жестами, такая дамочка разгневанная. Я уже была замужем. Я разошлась с тем мужем и вышла замуж за Николая Николаевича Вильямса. Он берет паспорт, листает его, доходит до места, где штамп о браке, и видит, что там написано, значит: замужем, ну, там муж — Николай Николаевич Вильямс. Он говорит... Он, по-видимому, этот тип, он еще из школы помнит смутно фамилию Вильямс. Знаете, его деда?² Кто такой Вильямс, он, конечно, не помнит. Ну, какая-то фамилия — не Иванов, не Петров. Вильямс все-таки интересная фамилия, да? Он так смотрит, говорит: «Замужем за Вильямсом?» Я говорю: «Да! Я замужем за Николаем Николаевичем Вильямсом! Учитите это! Мой муж будет возмущен тем, что вы со мной сделали!» Я продолжаю ваньку ломать. Он смотрит паспорт, отдает мне. По-видимому, он заколебался, потому что, по-видимому, они откуда-то услышали, что Лара... Может, ее квартира прослушивалась, они что-нибудь там неосторожно, какой-то обрывочек сказали. В общем... Да, он говорит... Отдает мне паспорт и говорит: «Простите, а покажите, пожалуйста, что у вас в сумочке». Я говорю: «Что-о-о? Сумочку вам показывать? А у вас есть ордер на личный обыск? Ах, нету? Так извините меня, но я не какая-то воровка Иванова, и не смею у меня требовать, чтоб я вам показывала! Может, вы еще спросите меня, что у меня под моим костюмом? Так я вам тоже не покажу!» В общем, я из себя разгневанную дамочку строила. И он заколебался. По-видимому, подумал: «Черт ее знает... Зашла, какой-то Вильямс у нее муж... Еще влетит». Знаете? Короче говоря, он мне говорит: «Не беспокойтесь, все в порядке». И отпускает меня.

² Муж Л. М. Алексеевой Н. Н. Вильямс — внук известного советского почвовед-агронома В. Р. Вильямса.

Слушайте, я шла через этот двор, и я делала над собой колоссальное усилие, чтобы не бежать бегом. Я шла гордо. Через двор прошла. Думаю: «Ой, скорей куда-нибудь...»

И тут... У меня хороший ангел-хранитель. У меня много таких случаев было в жизни, когда так, как мне надо, получалось. Идет пустое такси. Знаете, как редко это было в то время? Я кидаюсь, говорю... Он говорит: «Я еду в парк, к ВДНХ». Я говорю: «О! Мне как раз туда!» Сажусь в такси и говорю: «Поехали!» Приехал, довез он меня до ВДНХ. Я там вышла и думаю, куда дальше со всем этим. И думаю... Это уже, знаете, это уже было в 68-м году. Да. Это я забежала вперед. Это было в 68-м году, в июле. В конце июня — в начале июля 68-го. Вот так. Я вспомнила, что близко от ВДНХ там такая улица Галушкина или Галушкина, я не знаю, и у меня там жил знакомый. Такой... Как же его звали? У него какое-то имя странное было. Забыла, как звали, но это вообще был очень странный человек. Он сидел вместе с Синявским и вышел и пришел к его жене от Синявского. Значит, и прибил к нам и очень с нами со всеми старался подружиться. И у всех было такое впечатление, что он какой-то подосланный. Но он особенно... Я с ним как-то подружилась. И, соблюдая осторожность, я ему ничего... Чисто такая бытовая дружба, но так мы... С ним нормальные были отношения у меня. И он, и его жена, и у них сын Олежек, и так далее. И вот я, значит, вспомнила, что он живет вот на этой Галушкина или Галушкина. Я, значит, прошла в его дом, позвонила в дверь. Никого нет дома. Я остановилась на лестнице и думаю: «Выходить обратно со всем этим и идти домой со всем этим опасно. Могут спохватиться — этот дядька — и кого-нибудь за мной прислать».

Я открыла сумочку, посмотрела, увидела, что Толина фотография и предисловие. Я взяла это, вынула, порвала и бросила...

Тогда на лестнице оставляли эти ведра, знаете, вот с крышками такие. Я туда бросила, а рукопись туда бросить, эту книжку, у меня рука не повернулась — это же труд, такую книжку перепечатать. Вот, значит, я оставила только саму книжку.

И мой сын старший уже был женат и жил на Дмитровском шоссе у ее родителей. Там была у них двухкомнатная квартира. В одной комнате жили старики, а в другой — он с женой. И жена его, Светлана, ждала ребенка. Вот-вот-вот уже. Я взяла и поехала к ним. Приехала туда и оттуда звоню Ларисе, и говорю: «Лариса, я у Сережи по такому-то адресу. Приезжай, пожалуйста». Она, как всегда, ничего не спрашивает. Но она, зная ситуацию, она решила, что моя невестка родила и что я, взволнованная, приехала туда и приглашаю ее, потому что... Или она там в роддом отправилась... Ну, в общем, что-то такое. Я сижу. Они заявляются вместе с Толей. Она с Толей. Я ей рассказываю — вот такая-то история — и отдаю эту рукопись. Я говорю: «Я боюсь с ней выйти». Они берут эту самую... Говорю: «И уж прости меня, Толя, я и фотографию, и предисловие порвала». Они говорят: «Ничего, у нас еще есть». Ну, там, уже напечатанное, там не от руки. Теперь в шесть надо идти к этой бабе. Я говорю: «Пускай кто-нибудь идет. Они меня засекли. Мне нельзя идти». Они говорят: «Конечно-конечно». Вот, ну и,

освободившись от этой рукописи, я уже спокойно вышла оттуда и поехала домой или там по своим делам, уже не помню. Вот, в эту я не поехала. Они не смогли до шести вечера найти кого-нибудь, кто к ней придет, и поэтому эта женщина уехала несолоно хлебавши.

Самое интересное — продолжение этой истории. Когда я эмигрировала в 77-м году, через девять лет... Ну, по израильской визе мы уехали. Тогда иначе нельзя было, хотя ни я, ни муж не евреи, но у нас много друзей, которые уехали, евреев, и один из них, Юлиус Телесин, прислал мне, как своей кузине, мне и мужу, и младшему сыну (старший не хотел ехать, он оставался здесь с семьей), значит, приглашение, и мы по этому приглашению уехали. Тогда по израильским визам люди приезжали в Вену, а из Вены кто хотел в Израиль, ехал в Израиль, а кто хотел в Америку, там добивался в Америку, и тогда надо было ехать уже в Италию, и из Италии отправляли в Америку.

И вот мы приехали в Вену. Мы сразу сказали, который нас встречал там от этого, от Сохнута (ну, ведомство, которое Израиль, переселенцев встречало), что мы не едем в Израиль, мы едем в Америку. Он сразу потерял к нам всякий интерес. И отправили нас в гостиницу. Честно говоря, я не знала, что бывают такие гостиницы — какая-то грязная дыра. Вот, и мы все втроем в одной комнате в этой, значит, гостиничной, и мы должны были оттуда ехать в Италию, и тут раздается, значит, звонок... Да, а я, когда уезжала, это была уже Московская Хельсинкская группа. Я в феврале 77-го года уезжала, а группа была создана 12 мая 76-го года. Раздается звонок из Лондона. Да, и группа объявила, что я уезжаю, я выезжаю как зарубежный представитель Московской Хельсинкской группы. Раздается звонок в этой пакостной, с позволения сказать, гостинице, и, значит, звонит из Лондона, человек по-русски говорит, что его зовут Борис Миллер и что меня, зарубежного представителя Московской Хельсинкской группы, хотели бы видеть все три фракции в британском парламенте. Значит, консерваторы, лейбористы и либералы. И поэтому готова ли я приехать в Лондон? Я говорю: «Да, но у меня никаких документов». А нас отправляли — ну, паспорт забирали, лишали гражданства и выдавали какую-то филькину грамоту там, бумажку какую-то, что мы едем в Израиль. Я говорю: «У меня документов нету». Они говорят: «Это мы понимаем. Мы сделаем. Приедет человек специально в Вену, поможет вам получить». Значит, какой-то там австрийский документ, по которому вы сможете поехать в Лондон. Я говорю: «Я без сына и мужа не поеду». А я боялась. Я ни на каком языке не говорю, ничего не понимаю. Они говорят: «Ладно, тогда их тоже, но только вы полетите самолетом, а им мы оплатим поезд». Ну ладно. Ну, за мной приехал там лорд, с которым я потом дружила. Он, ну, член этого парламента ихнего. Но я все время забываю, как его... На «Б» как-то его фамилия. Я с ним потом много раз виделась. Вот, он приехал в субботу. В воскресенье мы с ним пошли в английское... Да, до этого ко мне пришел какой-то австриец и сказал, что договорились англичане, что нам сделают Fremdenpass — это, ну, как паспорт, беженцев документы, на всех троих, что он мне поможет. Значит, и я говорю: «Ну сколько это займет времени?» Он говорит: «Ну, если быстро действовать, месяца два». Я говорю: «Да, но мне говорят, что я в понедельник должна встречаться в Лондоне с парламентариями». Он говорит: «Это нереально».

Ну, мы пошли, и вечером того же дня мы вышли с Fremdenpass тремя, и он сказал...

А у него странный очень такой язык был русский — не то украинский, не то не понять, какой. Он сказал: «Це чудо!»

Вот, ну мы имели к концу дня эти паспорта. В субботу приехал из Лондона лорд. В воскресенье мы с ним пошли в английское консульство, которое было, естественно, закрыто, но пришла консульша, открыла дверь, на коленке поставила мне, значит, какую-то печать в мой паспорт, и в понедельник утром мы с ним полетели. Ну, и прямо оттуда с опозданием, но приехали... Причем все фракции принимали по очереди, вместе они не хотели разговаривать. Консерваторы отдельно, либералы...

Раньше возвращаюсь. Кира Миллер... Потом выяснилось, что они русские, которые родились уже за границей. Их родители уехали от революции. Они родились уже за границей. Они оба энтээсовцы, и, значит, ну, их попросили, потому что я же ни на каком не говорю, кроме как на русском. Он мне звонил, а она была переводчицей. Она, значит, переводила все, что я говорила, на русский и все, что они говорили... То есть на английский. И все, что они говорили, — мне на русский. Вот, и потом я с этими... Я у этих Миллеров остановилась, потому что в гостинице ну как мне останавливаться — я ни на одном языке не говорю. Меня не понимают. И меня взяли к себе домой очень милые русские люди такие. Ну, знаете, водочка, селедочка. Все, как полагается. Песни потом пели. Я с ними подружилась. И за всякими разговорами, причем не в первый день, а уже потом... Я потом много раз приезжала в Англию. Это я потом расскажу, позже, когда будет про Англию уже. Я рассказала ему этот случай, вот как я не пришла на встречу с этой самой теткой, которая должна была взять у меня книгу Марченко, и вдруг он говорит, этот Боря говорит: «Ой! Наконец мы все поняли!» Оказывается, ее НТС посылал. Он знает. Он ее посылал. Она приехала, говорит: «Никто не пришел». И говорит: «Мы так удивлялись. Мы специального человека послали, она специально в Москву приезжала за этой книжкой, и никто не пришел. Думаем: „Как не совестно! Какие обязательные люди!“» Я говорю: «Вот такая история». Он говорит: «Как интересно!» Я говорю: «А мне как интересно!» Вот так вот. Вот такое окончание. Поэтому я забежала вперед. Потому что это связано.

Ну, потом они все-таки как-то передали за рубеж эту книгу. Потому что она ж вышла за рубежом. Вот так вот. Но в этом я уже не участвовала, поскольку я была замочена. Меня нельзя было посылать уже. Вот такая история.

Про сто девяностую статью. Открытые письма

Е. Г.: Все-таки статья уже появилась. Сто девяносто. Я хочу, чтоб вы пояснили, что это такое было.

Л. А.: Нет, это было летом, значит, 68-го, а статья появилась в конце 67-го.

Е. Г.: Уже была.

Л. А.: То есть она была. Статья сто девяностая... Там так было. До этого была только семидесятая. Ну, при советской власти это была пятьдесят восьмая. Антисоветская деятельность. По ней мой муж Коля Вильямс отсидел. А у нас это была семидесятая. Она значит — «антисоветская деятельность, направленная на разрушение советского государственного

и общественного строя». И по ней максимальное наказание было семь лет лагеря и пять лет ссылки, а если повторно, то пятнадцать лет лагеря. Вот, до пятнадцати. Но тут пошел всякий самиздат, и вообще вот, когда Брежнев пришел к власти в 64-м году, они стали зажимать все это дело — самиздат, начались всякие обыски и так далее. И у нас, и у верующих, у всех. Там гайки закручивали здорово. Ну вот как сейчас. И поэтому... Но за все нельзя было сажать... Семь лет лагеря и пять лет ссылки — все-таки тяжелое наказание. Вот, и потом, это политические лагеря, а у них только в Мордовии политические лагеря, они не резиновые. Вот, и они придумали. Статья сто девяностая, которая имела три... Статья сто девяностая — прим, статья сто девяностая — два и статья сто девяностая — три. Значит, это было «клевета на советский общественный и государственный строй». Это, значит, сто девяносто — прим. Что сто девяносто — два, я не помню. А сто девяносто третья — это нарушение порядка на улицах. Ну, это против демонстраций. На всякий случай. «Мешали проходу транспорта». Знаете? Вот, ну и всем было понятно, что это политические статьи, но по ним такая формулировка, что сажали уже не в политические, а в уголовные лагеря, в обычные. И это было всем понятно, что такая статья, и против нее возникло... Очень тогда было принято всякие письма писать. Это началось с процесса... Ну, я бы сказала, что это началось в 64-м году и не в Москве, а в Ленинграде. Процесс Бродского. Но тогда писали только... Его судили за тунеядство, потому что он нигде не работал. Писание стихов не считали работой. Тем более что его не публиковали в Советском Союзе. Ну, а на Западе он не публиковался. Так что вроде как не работал. И тогда всякие известные писатели там, литераторы, критики писали письма. Но они писали только в соответствующие инстанции и не распространяли, не отдавали эти письма в самиздат. А вот с процесса Синявского и Даниэля, вот который начался... Даже с их посадки, а их посадили в сентябре 65-го, началось такое: пишут письма, подписывают их... Были и индивидуальные письма, и коллективные. Самое большое было письмо писателей. По-моему, восемьдесят шесть человек, если я не ошибаюсь. Но эти письма отдавали в самиздат. Не только туда, куда надо писать, но отдавали в самиздат. Поэтому эти письма ходили. Их печатали, их распространяли и так далее. Они влияли на общественное мнение. Так что с 65-го года эта манера началась эпистолярного жанра, и она все время существовала. И, значит... Почему я сейчас стала говорить об этих письмах?

Е. Г.: Что началось с Бродского.

Л. А.: Нет, то началось с Бродского. Но это, вот начиная с Юлика и Андрея, это стало достоянием самиздата. Письма ходили всюду. Они попадали на Запад. Их передавали по радио. Ну, в общем, это были такие документы, формировавшие общественное мнение.

Е. Г.: Но тогда еще не сажали, не хватало за подписи этих писем в защиту заключенных?

Л. А.: Знаете, как где. В Москве — нет. А скажем, на Украине и за это хватало, и не только за это, а вообще дыхнешь — и схватят. По-разному было. Страна велика, и по-разному было. Вот, и почему я стала говорить об этих письмах? А так вот, сто девяностая статья, ее подписали... Тоже было коллективное письмо.

Е. Г.: Против нее.

Л. А.: Против этой статьи. Оно тоже появилось в самиздате, и это был первый такой появившийся в самиздате документ, под которым среди прочих стояла подпись Андрея Дмитриевича Сахарова. И еще Шостакович подписал это письмо. Вообще известные люди.

А с Сахаровым получилась такая вещь. Он, значит, жил в закрытом городе, где там атомщики жили. У него жена (Клава ее звали, его первая жена), она заболела раком и умерла от рака. И на него это произвело очень сильное... Он уже жил в Москве. На него это произвело очень сильное впечатление — гибель жены. Он отдал все свои сбережения, которых... У него были там, ну, там, я не помню, скажем, сто двадцать тысяч рублей — это по тем временам огромные деньги. Он их отдал на строительство там какого-то ракового института. И он уже жил в Москве, и он познакомился... Он познакомился с Роем Медведевым, и это была такая, ну, такой элитной интеллигенции советской тусовка. Там бывал и Солженицын, там бывали всякие известные люди. И Сахаров тоже. Компания, значит, Рой Медведев, его брат-близнец Жорес Медведев — у них собирались всякие известные люди и вели такие, знаете, ну, вольные разговоры, и они издавали «Политический дневник». Но это была другая компания. Я, например, про «Политический дневник» узнала через несколько лет после того, как он стал выходить. Я не имела... Не только не видела его, но даже не знала, что он издается. У нас было свое, у них свое. Но Сахаров каким-то образом познакомился с Валерием Чалидзе, а Валерий Чалидзе — это уже была наша компания. Валерий Чалидзе — он физик, так же, как Сахаров, но он такой — он изучал законы очень так настырно и очень хорошо их знал, и действовал очень так — это все по закону чтобы, и у него была такая, значит, ну, я не знаю, как это сказать, девиз или такое настроение... Он говорил: «Я за то, чтобы люди не садились в тюрьму». Он старался, чтоб так все было по закону, чтоб не садиться. В частности, у него была идея — создать такую независимую организацию, которая была бы — все по закону, и придраться нельзя, и посадить нельзя. Ну, по-моему, было несколько наивно, потому что сажали и не по закону, но все-таки тогда меньше не по закону было, чем сейчас, должна я с сожалением констатировать. Так вот, он познакомился с Андреем Дмитриевичем Сахаровым, и Андрей Дмитриевич Сахаров очень ему в рот смотрел. От него он узнал про всякое правозащитное движение, про наши идеи и так далее. Наши — Алика Вольпина. Которые мы усвоили. Которые Чалидзе тоже усвоил и донес до Сахарова.

” Вот видите, как интересно: вот этот чудак, этот Есенин-Вольпин, — мы все считаем его своим учителем. Он один вот насадил в нашей стране пусть среди маленького круга людей, но довольно таких упорных, вот идеологию, отличную от советской, — идеологию прав человека. И Сахаров на это полностью купился.

Понимаете, он... Если нашим непосредственным учителем был Есенин-Вольпин, то здесь Есенин-Вольпин был учителем Чалидзе, а для Сахарова учителем был Чалидзе. Давайте на этом сегодня кончим.

Е. Г.: Давайте.

Л. А.: Ну и дальше уже... Главное, на каждую нашу встречу приходится какой-то рассказ про какое-то такое событие. Вот как с передачей книги Марченко.

Е. Г.: Да. Это очень интересно, и хорошо, что так получается.

Л. А.: А я, знаете, сейчас вот, когда думаю вот, что вы придете, думаю: «Надо вспомнить, чего было в это время... Как интересно — все время чего-нибудь было!» Я только сейчас это обнаруживаю. Тогда вроде как-то и подумать некогда было. Живем вот так вот, а события происходят...